

К истории предания о смерти князя Рюрика в г. Кореле

В одном из поздних летописцев XVII в. под 6387 (879) г. читается следующее известие: «Умре Рюрик в Кореле в войне, тамо положен бысть в городе Кореле».¹ В классических текстах русских летописей, таких, например, как Лаврентьевская и Ипатьевская, не указывается место смерти князя Рюрика, но из контекста ясно, что это, скорее всего, могло произойти в Новгороде.

Таким образом, перед нами тот случай, когда в поздних летописях появляются оригинальные известия из начальных времен русской истории.

В таких случаях обычно высказываются два мнения: либо эти известия определяются как явно баснословные, либо предполагается, что в поздней летописи отразился более ранний источник.

Для того и другого мнения характерна одна общая особенность: такие мнения чаще всего не доказываются, а высказываются а priori.

Было бы, однако, интересно узнать, что служило причиной появления подобных известий, как возникали баснословия.

Как и многие вопросы, относящиеся к истории русского средневековья, вопрос о смерти Рюрика в г. Кореле имеет свою небольшую историографию.

Например, на него обратил внимание в своей работе К. Н. Бестужев-Рюмин: «... в весьма поздней рукописи, напечатанной в Вивлиофике Новикова под странным заглавием: „Подробная история Госуд. Рос.“, мы читаем краткое известие, что Рюрик умер в Кореле. Собственно, невероятного тут ничего нет; но между тем это известие, связанное с походом на Корелу какого-то Валинта, чрезвычайно подозрительно: Валинт в известиях позднейших является сам корелянином, и о нем мы находим упоминание в датских делах времен Годунова».²

Отсюда следует, что известие о смерти Рюрика в г. Кореле, тесно связанное с также оригинальным описанием похода русских во главе с Валинтом на г. Корелу, бралось исследователями XIX в. не из рукописи, а из публикации XVIII в.

Что же представляет собой этот летописный текст, каковы его источники, какой рукописью пользовался Н. И. Новиков при публикации текста?

Большинство исследователей брали известие о смерти Рюрика в г. Кореле из текста краткого летописца, опубликованного, как уже отмечалось, в XVI т. Вивлиофики.³ Этот летописец начинает свое изложение истории

¹ ГПБ, Q IV 88, л. 767 об.

² К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, с. 60.

³ Древняя российская вивлиофика, ч. XVI, 2-е изд. М., 1791, с. 42—85. Бестужев-Рюмин неточно указал заглавие летописца, в Вивлиофике читаем: «Подробнейшая История Государей Российских».

от потопа, а оканчивается известием 7000 (1492) г. о соборе русской церкви, где обсуждался вопрос о пасхалии.

После публикации местонахождение рукописи, в которой содержался летописец, было неизвестно, так как Н. И. Новиков не указывал источников.

На сегодняшний день известно три списка «Подробнейшей истории»: ГПБ, F IV 220, л. 1—23 об.; ГПБ, Q IV 310, л. 227—275; ГПБ, собр. Погодина, № 1609, л. 47—81.

Правда, надо отметить, что ни один из списков не имеет такого пышного заглавия, которое при незначительности текста дало повод Бестужеву-Рюмину назвать его «странным».

По всей видимости, такое название было дано летописцу его издателем Новиковым, так как два списка имеют свои заглавия («История» — ГПБ, F IV 220; «История о славянском народе, и о зачале Новограда» — ГПБ, Q IV 310), а третий список (ГПБ, собр. Погодина, № 1609) вообще не имеет заглавия, но по некоторым соображениям он и был тем списком, с которого текст летописца публиковался. По этому поводу можно отметить следующее: Новиков в основном публиковал московские материалы, и собрание Погодина до его поступления в Публичную библиотеку формировалось в Москве; материалы, опубликованные в XVI т. Вивлиофики перед летописцем и после него, находят параллельные тексты в этой рукописи. Последний аргумент наиболее существен.

Но вопрос о списке, бывшем в руках Новикова, не так важен, как важно то, что список из собрания Погодина датируется 2-й половиной XVII в. (другие два списка датируются началом XVIII в.), следовательно, 2-я половина XVII в. — время, которым датируется наиболее ранний список летописца.

Важно было бы узнать, не было ли у этого летописца более раннего источника с известием о Рюрике и Валите.

Такой источник есть. Это летописная часть хронографа Сергея Кубасова, представленная несколькими списками также 2-й половины XVII в., но которая все-таки является источником «Подробнейшей истории», так как в последней появились вставки более позднего текста; но, самое главное, в пространным заглавии одного из списков «Истории» (ГПБ, Q IV 310) читаем: «выписано вкратце из Российского летописца». Так на самом деле и есть; в «Подробнейшей истории» летописный текст в сравнении с летописной частью хронографа Сергея Кубасова значительно сокращен, хотя основной костяк известий и хронологии остался. Что же касается летописной части хронографа Сергея Кубасова, то у нее был свой источник, где также читаются известия о Рюрике и Валите. Этот источник представлен тремя списками летописца, один из них (ГПБ, Q IV 88) более полон и первичен. Этот летописец доводит свои известия до 1399 г., а список датируется 30-ми гг. XVII в.

Более раннего источника с интересующими нас известиями о Рюрике и Валите нам не удалось найти, и, весьма вероятно, что его и не существует.

Итак, наиболее ранней датой появления этого известия можно, по-видимому, считать 30-е гг. XVII в. (датировка наиболее раннего списка летописца, где сообщается о смерти Рюрика в Кореле).

Теперь необходимо вернуться к наблюдениям Бестужева-Рюмина, который, говоря об интересующих нас известиях, сделал ссылку на Н. М. Карамзина.

У Карамзина читаем, что предание о Валите «узнали от Ланландских

старожилов в 1592 году князь Звенигородский и Васильчиков».⁴ Из текста «Истории. . .» Карамзина следует, что одно время фигура Валита имела некоторое значение в международных отношениях России. Деятельность Валита на севере, известная по преданиям, была одним из аргументов в споре 1601 г. между Данией и Россией о том, кому принадлежат Кольские и Варгавские земли. В этом споре король датский Христиан (через своих послов) ссылался на Историю Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографию, а русские ссылались на факт крещения местных жителей новгородскими священниками и на известия о Валите.⁵

Из наблюдений Карамзина для нас существенны два момента. Появляется еще одна временная точка — 1592 г. Дата эта интересна тем, что именно и только в конце XVI в. начинают говорить о Валите как о фигуре седой древности, основываясь на устном предании местных жителей. Таким образом, у нас появляется небольшой отрезок времени между концом XVI в. и 30-ми гг. XVII в., к которому, скорей всего, можно отнести появление известия о смерти Рюрика в г. Кореле, так как это известие неразрывно связано с фигурой Валита.

Другой момент не менее интересен: известия о Валите, основанные на устном предании, используются в международном споре о границах двух государств.

В этом споре, надо отметить, датская сторона чисто внешне выглядела более солидно, когда утверждала свои права ссылками на хронику Саксона Грамматика, в то время как русская сторона ссылалась в основном на предания.

Видно, русские того времени не склонны были придавать особую важность подобной аргументации.

В споре с послами датского короля, как мы видим, в качестве аргумента выдвигалась только фигура Валита.

В нашем же летописце речь идет о Кореле, а Валиту сопутствует Рюрик. К тому же все это изложено не в сказании, а в летописном тексте, который является явной параллелью тексту западноевропейской хроники.

До этого момента все наше изложение строилось только на фактах, теперь же нам придется высказать и некоторые предположения.

Перед нами два весомых факта: во-первых, конкретный период времени (1592 г.—30-е гг. XVII в.), когда фигура Валита появилась как фигура седой древности и была зафиксирована в летописном тексте; и, во-вторых, связь Валита с международными переговорами о границах. В этот же промежуток времени Валиту стал сопутствовать Рюрик, и оба они были связаны с г. Корелой.

Если мы обратимся к событиям того времени, то увидим, что г. Корела (шведское название г. Кексгольм) оказался в сфере влияния двух государств — Швеции и России. Вопрос о территориальной принадлежности Корелы и Корельской области был одним из спорных вопросов между двумя странами, г. Корела неоднократно переходил из рук в руки, пока по Столбовскому мирному договору 1617 г. он не был отдан «навечно» Швеции. Здесь же надо отметить, что переговоры между Швецией и Россией о границах и спорных территориях продолжались и после 1617 г.

У нас нет данных о том, что летописец с известиями о Рюрике и Валите, связанными с г. Корелой, использовался в посольских делах, но, по нашему мнению, написан он был с целью показать всю беспочвенность аргумента-

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI. СПб., 1824, с. 21, примеч. 56.

⁵ Там же, с. 42—44.

ции шведов в споре о Кореле: по утверждению русской стороны, в этом городе был похоронен один из первых русских князей.

Таким образом, мы пришли к выводу, что известия о Рюрике и Валите были внесены в летописный текст в первые десятилетия XVII в.

«Наши летописи не были литературными произведениями в узком смысле этого слова, а политическими документами», — писал М. Д. Приселков.⁶ В нашем случае к словам Приселкова можно добавить: документами международной политики.

Необходимо сказать еще несколько слов о Валите. Прежде всего, надо отметить, что списки по-разному пишут это имя, что происходило от невнимательности писцов. Если большинство списков содержит чтение «Валит», то список ГПБ, Q IV 88 дает «Валлт», а один из списков «Подробнее истории» — «Валет».

Кроме того, немаловажно, что в предании о Валите, известном нам по записи конца XVI в., отразилась деятельность реального Валита. Правда, он действовал не в начале русской истории, а гораздо позднее. Так, под 6845 (1337) г. в СИЛ сообщается о том, что Валит Корелянин, воевода Корельского города, передает свой город сначала немцам, а потом подступившим к городу новгородцам.⁷ Русские летописи знают еще одного Валита: Иоанна Федоровича, боярина новгородского, чью деятельность можно проследить за период с 6885 (1377) по 6925 (1417) г. Вполне возможно, что этот последний Валит был родственником, даже сыном предыдущего, а имя отца стало фамилией сына. Деятельность же их обоих в сознании потомков вылилась в предание.

В заключение этого сообщения отмечу, что разобранный выше вопрос немаловажен, так как, например, Гедеонов в своем исследовании о варяжском вопросе, основываясь на данных Н. М. Карамзина о Валите, делал фактические выводы «о связи лопьского предания с более чем вероятным поселением, еще до Рюрика, западнославянской колонии в новгородской области. . .» и высказывал еще ряд предположений, связанных со словом «Валит».⁸

«Действительно, если историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас возможных наблюдений над данным источником, так как определение первоначального вида записи и изучение ее последующих изменений в летописной традиции могли бы дать исследователю новые точки зрения на факт и объяснить его летописное отражение, а, с другой стороны, при этом историк нередко может попасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно».⁹

Эти слова М. Д. Приселкова могут быть еще раз подтверждены примером летописного известия XVII в. о Валите.

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 6.

⁷ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 220 (СИЛ, списки Карамзинский IV и Оболенского).

⁸ С. Гедеонов. Отрывки из исследования о варяжском вопросе. — В кн.: Записки императорской Академии наук, т. II, кн. I. СПб., 1862, с. 152—154.

⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания. . . , с. 6.